

УДК 159.9.07
ББК 88

Т.А.ТЕРЕХОВА

доктор псих. наук, профессор кафедры социальной
и экономической психологии БГУЭП,
г. Иркутск

С.К.МАЛАХАЕВА

кандидат филос. наук, ассистент кафедры социальной
и экономической психологии БГУЭП,
г. Иркутск

НАРРАТИВНОЕ ИНТЕРВЬЮ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Т.А. Terekhova, S.K.Malakhaeva

NARRATIVE INTERVIEW AS METHODOLOGICAL CONSTRUCTIVE UNIT OF INTERDISCIPLINARY QUALITATIVE RESEARCH

Аннотация: В статье рассмотрен нарративный анализ как качественный метод исследования. Смысловое поле событий организовано с помощью семиотических триад Ч. Пирса и структурного подхода Лабова. Нарративный анализ позволил держать в фокусе внимания два пласта – индивидуальный и социальный и рассмотреть событие, передаваемое рассказчиком не только как индивидуальное, имеющее отношение лишь к его частной жизни, но и частное проявление социально-типичного.

Ключевые слова: нарратив, нарративное интервью, нарративный анализ, семиотические триады Ч. Пирса, структурный подход Лабова.

Annotation: The article considers narrative analysis as qualitative research method. Semantic domain of events is organized with Ch. Pirs's semiotical triads and Labov's structural approaches. Narrative analysis allows to focus two layers – individual and social; and considers event passed by a teller not only as individual, relating both to his/her private life, and private demonstration of social-typical one.

Keywords: narrative, narrative interview, narrative analysis, semiotical triads of Ch. Pirs, structural approach of Labov.

Функционирование различных форм знания можно понять только через рассмотрение их нарративной, повествовательной, природы [3, С.56]

Одной из важных теоретических предпосылок нарративного интервью является обладание каждым человеком в повседневной жизни интуитивной компетентностью относительно правил построения рассказа (неважно, касается он какого-то конкретного случая или

целой жизни). Одна из главных задач нарративной методологии – прояснение элементов этой компетентности.

Другая важная предпосылка заключается в том, что рассказчик воспроизводит историю о событиях своей жизни так, как эти события были им пережиты, т.е. жизненный опыт репродуцируется исходя из той релевантности, какую он имеет для самого повествующего. Начиная рассказывать о своем жизненном пути, чело-

век подчиняется динамике процесса повествования и в меньшей степени ориентирован на возможности самопрезентации, обусловленные актуальной ситуацией интервью.

Фокус нарративного анализа, как это бывает и в других исследованиях качественного направления, зачастую проясняется, когда мы слышим или читаем, что говорят респонденты. Таким образом, изучение нарративов становится совместной деятельностью аналитика и рассказчика: ведь в процессе интеракции этих субъектов изменяются сами аналитические идеи!

Структурный подход является моделью анализа, которую можно применять в самом начале интерпретационного процесса. Нарративы, согласно его версии, обладают формальными свойствами, каждое из которых функционально.

«Простой» нарратив можно представить простейшей схемой: состояние – событие – состояние. Событие – есть то ядро нарратива, вокруг которого строится рассказ. Событие выводит человека из статичности состояния, является полем возможностей, в котором конструируется идентичность. Средняя часть разрушает статус-кво, являясь формой трансгрессии организует беспорядок события в стилизованную культурную форму нарратива. Третья часть – это возвращение к статике, но на другом уровне или качестве, тот своеобразный эпилог, которым заканчивается рассказ. Ядро нарратива, его средняя секция есть фаза перехода, проявления возможностей, в которых индивид получает опыт самореализации. Ведь процесс самореализации как раз есть специфический процесс отказа от одних возможностей, кроющихся в ситуации в пользу других, реализовавшихся.

В нашем случае средняя фаза буквально маркируется исключительными событиями, где неизвестны правила и ожидания обычного состояния. После этих событий, в котором индивид проявляет собственную субъектность, создает другие ручки возможностей, происходят ритуалы реинкорпорации в статическое упорядоченное состояние общества и индивида. Необходимо отметить, что индивид все же выступает в новом статусе вновь созданной статичности. Эта структура нарратива характерна для всех интервью, наиболее показательным в этом плане явилось воспоминание мужчины (81 год), о подростковом возрасте, в котором проявилась эта особенность построения нарратива. Дано в переводе с бурятского:

1) я пацаном был (пауза)... было лето, жаркое, не такое как сейчас лето – тогда в Гаханах лето было по-настоящему жаркое и дождливое, а то сейчас... то дым... то засуха... вышел на улицу утром (интригую-

щая пауза)...2) а у нас вся северная сторона дома облеплена черными жуками... все поле в черных жуках... (показывает размер насекомого пальцами)... откуда взялись... я в дом забежал – кричу – сохо, сохо, гэримнэ эджэ байна (жуки, жуки дом пожирают), вышла мать и мы с ней поливали кипятком этих жуков... 3) потом они куда-то улетели, но трупы долго валялись... (долгая пауза) в этом же году началась война...».

В данном случае характерно присутствие состояния – жаркое лето, спокойное, этот период времени связывается в сознании респондента с сегодняшним мирным временем, сопоставлению с которым можно уловить определенный скептицизм, однако не оставляет сомнения тот факт, что довоенное лето (видимо 1941 года) сравнивается с сегодняшним временем в модусе мирного упорядоченного состояния. Появление черных жуков рассказчиком не объясняется – событие происходит, и в этом смысле не имеет как таковых причин, как многое в жизни, хотя попытка понять причину присутствует. В рассказе присутствует квазипричина, которая напрашивается в интерпретации – нашествие жуков косвенно связывается с таким трагическим событием как война. Императив тревожности в рассказе, уже опосредованный годами, высок. Характерно сравнение и в другом контексте, когда говорится, что жуки поедают дом, а для их уничтожения герои рассказа используют кипяток – агрессивное и опасное средство. Упоминание о трупах еще раз символически связывает это событие с последующими военными событиями. Таким образом, наблюдается характерная структура построения нарратива, в котором средняя фаза – ядро, охватывает смысловое значение нарратива – переход, смена качества, для которого характерен наиболее высокий эмоциональный накал, а элементы текста 1 и 3 являются состояниями упорядоченности, качественно различающимися, но формально идентичными.

В нашей интерпретации использованы семиотические триады Ч. Пирса из которого состоит событие (знак): знак связывает три члена или, лучше сказать, три коррелята в триадическом отношении, а именно: во-первых, знак в узком смысле, называемый также репрезентантом, во-вторых, объект, к которому отсылает знак, и, в-третьих, так называемую интерпретанту; эти три коррелята связываются в значении знака. В нашем случае мы используем 1. Описание действия, практики, как репрезентанту; 2. Суть действия, переходный момент, провоцируемый действием и эмоциями, которыми насыщено это действие как объект; 3. интерпретация, как способ выявить эту зависимость между репрезентантой и объектом. Такая триадная структура события, позво-

ляет раскрыть смысловое поле события и выявить значимые коды, присущие данному рассказчику.

В данном рассказе можно выделить несколько смысловых триад (табл. 1).

«Полный» нарратив включает шесть общих элементов: тезисы «Т» (краткое изложение существа дела), ориентацию «ОС» (время, место, ситуация, участники), комплекс действий «КД» (последовательность событий), оценку «О» (значимость и смысл действия, отношение рассказчика к этому действию), резолюцию «Р» (что случилось в конце концов) и код «К» (возврат к настоящему времени).

Согласно этому подходу, который на первый взгляд относит нас к традиции структурализма, задачей исследования является определение не только того, где начинается и заканчивается нарратив, но и какова роль слушателя (или вопросов) в его создании. Вслушиваясь в речевые отметки начала и конца повествования, можно определить относительно простые нарративы. Как только границы нарративного сегмента выбраны, можно переписать нарратив, пронумеровав строки. Попробуем применить подход Лабова к данному отрезку и посмотрим, как организован нарратив с точки зрения структурного подхода.

Как уже упоминалось, согласно этому подходу полные истории имеют определенный набор компонент, чьи функции – дать тезисы последующего текста (Т), ориентировать слушателя (ОС), представить комплексное действие (КД), оценить его значение (О) и показать разрешение ситуации (Р). Понятно, впрочем, что структура нарратива может быть представлена исследователями по-разному. Вопрос, что считать оценкой, а что – ориентацией, решается в зависимости от теоретических допущений и опыта ученого.

(Т) я пацаном был (пауза)... было лето, (ОС) жар-

	репрезентанта	объект	интерпретанта
1. Я пацаном был	пацан	рассказчик	Молодость, заря жизни рассказчика
2. было лето, жаркое, не такое как сейчас лето... вышел на улицу утром	лето	Время в прошлом	Спокойное размеренное течение жизни, сравнивается с мирным временем сегодня
3. а у нас вся северная сторона дома облеплена черными жуками... все поле в черных жуках...	Дом облеплен черными жуками	нашествие насекомых	Невероятное событие, тревожная и страшная картина
4. я в дом забежал – кричу – сохо, сохо, гэрымнэ эдьжэ байна (жуки, жуки дом пожирают)	Крик: «Жуки пожирают дом»	Страх, неприятие, аффективное состояние	аффективное состояние и конструирование образа ребенком – пожирание дома, высокая степень опасности
5. вышла мать и мы с ней поливали кипятком этих жуков...	Мать, кипяток	Уничтожение насекомых	Очищение, борьба, жесткое абразивное вещество
6. потом они куда-то улетели, но трупы долго валялись	Куда-то улетели, трупы	Насекомые улетают, остаются мертвые насекомые	Неожиданное исчезновение угрозы, но как напоминание остаются трупы
7. в этом же году началась война	война	Событие в прошлом	Длительная пауза перед выводом дает основание предположить, что рассказчик связывает два этих события создает некую квазисвязь этих событий, будто нашествие жуков есть символический знак надвигающейся войны

Таблица 1. Организация нарратива с помощью семиотических триад Ч. Пирса

кое, не такое как сейчас лето – тогда в Гаханах лето было по-настоящему жаркое и дождливое, (О) а то сейчас... то дым... то засуха... (КД) вышел на улицу утром (ОС) (интригующая пауза)... (КД) а у нас вся северная сторона дома облеплена черными жуками... все поле в черных жуках... (ОС) (показывает размер насекомого пальцами)... (О) откуда взялись... (КД) я в дом забежал – кричу – сохо, сохо, гэрымнэ эдьжэ байна (жуки, жуки дом пожирают), (КД) вышла мать и (КД) мы с ней поливали кипятком этих жуков... (КД) потом они куда-то улетели, (О) но трупы долго валялись... (долгая пауза) в (Р) этом же году началась война...».

Рассмотрим организацию нарратива с помощью структурного подхода Лабова (Табл. 2).

Как мы видим, при такой рассортировке данных становится явленной ситуация диалога, в которой как минимум два субъекта – респондент и интервьюер, то взаимодействие, которое налагает отпечаток на формирование нарратива «здесь-и-теперь». Так же выделяется отдельная графа для смыслового кода, который несет дан-

Тезис	Комплексное действие	Ориентация слушателя	Оценка	Резолюция	Код
Я пацаном был... было лето		Жаркое, не такое как сейчас лето	А сейчас то дым, то засуха. Указание на существенные перемены		Предвестие войны
	Вышел на улицу	Пауза – указание на необычное событие			
	А у нас вся северная сторона дома облеплена черными жуками	Демонстрация руками размера насекомого	Откуда взялись, попытка осмыслить причину нашествия		
	Я в дом забежал, кричу				
	Вышла мать				
	Поливали кипятком				
	Потом куда-то улетели		Но трупы долго валялись эмоциональная привязка, негативный образ		
				В этом же году началась война	

участия. Именно поэтому анализ нарративов представляется методологически центральным звеном в исследовании проблемы инкультурации, вхождения в культуру, бытия в культуре, проживания жизни в культуре, позволяя связать полюс индивидуального переживания бытия носителем культуры, с одной стороны, и полюс институциональных смысловых пластов – с другой.

Таблица 2.

Организация нарратива с помощью структурного подхода Лабова

ный нарратив как целостная взаимосвязанная система. Код не может быть индивидуальным, код – это всегда общезначимый социальный смысл, именно поэтому код фиксируется как возвращение субъекта из автономии бытия в статику состояния.

В нарративе всегда взаимодействует два реально существующих полюса человеческой жизни: индивидуальный и социальный. Также в нем существует два уровня причинности, как мы видели в выше рассмотренном нарративе: индивидуальная и объективная (социальная). Тем самым выражаются фазы нарратива, в которых статическое состояние переходит в другое статическое состояние. Существенная фаза перехода, или фаза в которой реализуется сущность человека – его способность выбирать из потенциально скрытых в описываемом моменте альтернатив одну единственную. В этот момент субъект вынужден отделиться от социального (объективного), беря на себя ответственность за утверждение «не-алиби в бытии», или что не то же самое, но близко – личностный смысл. Таким образом, главной целью нарратива является не артикуляция отдельной личности, а осуществление связи между этими двумя полюсами. События, описываемые рассказчиком, – это этапы жизненного опыта, посредством которых субъект развивает в себе диалектику тождества и различия, исключения и

Можно сказать, что логика конструируемого в нарративах жизненного смысла завязана вокруг той живой, подвижной, релятивной точки отсчета, где сходятся и сталкиваются, сопоставляются и противопоставляются силовые линии интернальной и экстернальной природы, типизируя действия и личности, чтобы тем самым осуществлять самотипизацию рассказчика. Любой нарратив представляет собой практику исключения – ведь и рассказываем мы об исключительных, хотя бы немного, но из ряда вон выходящих событиях в нашей жизни. Особенно отчетливо логика исключения проявляется в нарративах тех, кто испытал серьезные потрясения, был свидетелем или участником пограничных, экстремальных ситуаций, пережил ненормативный травмирующий опыт. Пересечение индивидуального и социального полюсов приводит к перемене идентичности в зависимости от степени интенсивности взаимодействия. Каждый раз, когда осуществляется сколько-нибудь значительное пересечение, человек как бы пристально смотрит на себя в зеркало, пока не забудет, что у него вообще-то совсем другое лицо. Происходит трансформация собственного образа и конечно же субъективного повествования о всей жизни. Меняется осмысление более ранних периодов, одни события становятся малозначительными, дру-

гие выступают вперед, обретают новый смысл в многомерном мире человека, конструируется новый нарратив.

Нарративный анализ позволяет всегда держать в фокусе внимания эти два пласта – индивидуальный и социальный и рассматривать событие, передаваемое рассказчиком не только как индивидуальное, имеющее отношение лишь к его частной жизни, как опыт само-типизации, но и частное проявление социально-типичного. Событие становится неким микроповоротом, исключением в жизни человека, поэтому и остается памяти, становится достойным повествования. Особенно это заметно в рассказах тех людей, которые испытали пограничное состояние, пережили ненормативный травмирующий опыт, побывали в качестве участников или свидетелей в экстремальных ситуациях.

В нарративах работает логика исключения, именно поэтому нарративный анализ открывает новые перспективы исследования феномена самореализации, как феномена индивидуального и социального. Самореализация есть всегда момент события, в котором человек осуществляет личностный смысл. И остается в памяти этот момент, и становится нарративом именно потому, что он дал возможность этому человеку раскрыть что-то в себе, то чего не было, но что появилось в данный момент столкновения с миром, проявить «не-алиби в бытии». То, каким образом, это совершается, зависит от отношения человека к миру и к себе в мире. Определенное доверие к миру, гармоничное и экологичное взаимодействие с ним может определяться тем культурным императивом «заботы о себе», который функционирует в этом конкретном социуме.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Борисенкова А. Нарративный поворот и его проблемы // НЛО. 2010. №103
2. Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / Под редакцией Г.В. Залевского. – Томск: Издательство Томского университета, 1999. – С.31.
3. Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках / И.В. Троцук // Вестник РУДН. Серия Социология, 2004. – № 6-7. – С. 56-74.

BIBLIOGRAPHY

1. Borisenkova A. Narrative twist and its problems // NLO. 2010. №103
2. Klochko V.E. , Galazhinskiy E.V. Self-identity: a systematic view / Edited by G.V. Zalevskiy. – Tomsk: Tomsk University publishing house, 1999. – 31 page.
3. Trotsuk I.V. Narrative as an interdisciplinary methodological construct in modern social sciences / I.V. Trotsuk // Herald RUDN. Sociology series, 2004. – № 6-7. – 56-74 pages.